

УДК 811.133.1`1

СУБЪЕКТИВНОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКИ

Л.П. Рыжова (Москва, Россия)

Л.П. Рыжова. Субъективность как ключевое понятие французской лингвистической прагматики. В статье рассматривается категория субъективности с точки зрения ее становления во французской лингвистике. Показано, что доминирующее во французской лингвистической прагматике понятие субъективности является результатом постепенного накопления сведений о роли человека в развитии и функционировании языка, их теоретического осмысления от субъективности в языке к intersубъективности в коммуникации.

Ключевые слова: intersубъективность, субъект дискурса, субъективность, французская прагматика.

Л.П. Рыжова. Суб'єктивність як ключове поняття французької лінгвістичної прагматики. У статті розглядається категорія суб'єктивності з точки зору її становлення у французькій лінгвістиці. Показано, що домінуюче у французькій лінгвістичній прагматичі поняття суб'єктивності є результатом поступового накоплення інформації про роль людини у розвитку та функціонуванні мови, її теоретичного осмислення від суб'єктивності в мові до intersуб'єктивності в комунікації.

Ключові слова: intersуб'єктивність, суб'єкт дискурсу, суб'єктивність, французька прагматика.

L.P. Ryzhova. The subjectivity as the key concept of French linguistic pragmatics. This article focuses a category of subjectivity in terms of its formation in French linguistics. Shown that dominant in the French linguistic pragmatics the concept of subjectivity is the result of the gradual accumulation of information about the human role in the development and functioning of language, their theoretical comprehension of subjectivity in the language of the intersubjectivity in communication.

Key words: French pragmatics, intersubjectivity, the subject of discourse, subjectivity.

Лингвистическая прагматика сформировалась в мировой лингвистике во второй половине XX столетия как коммуникативно-деятельностная парадигма вследствие накопления результатов исследований в области синтаксиса и семантики предложения, высказывания и текста, становления лингвистики текста и теории диалога. Важную роль сыграло также установление более тесного взаимодействия лингвистики с философией, психологией, социологией, этнографией речи и коммуникации, этнометодологией, теорией коммуникации, теорией деятельности и т.п. Она представляет собой в значительной степени неоднородную область исследований и располагает как широким спектром методов, приемов и средств анализа языкового материала,

так и достаточно богатым собственным понятийно-терминологическим аппаратом и характеризуется исключительной многоаспектностью и разнонаправленностью исследований. Сложившийся национально-нейтральный взгляд на прагматическое изучение языкового материала связывается, прежде всего, с англоязычной традицией, при этом достижения ученых других стран, в частности, Франции, Швейцарии, Бельгии, России либо лишь упоминаются (чаще всего написанные на английском языке), либо не учитываются вообще [см.: CONCISE ENCYCLOPEDIA OF PRAGMATICS, 1998].

Методологически становление французской прагматики осуществлялось в общем русле современного прагматического движения. Глубокое знание наиболее важных трудов, прежде всего, англоязычных авторов по проблемам прагматики и германских ученых по лингвистике текста, в 70-е годы проникших во Францию, и творческое переосмысление их теоретических положений и результатов в русле национальных философско-гуманитарных традиций составляет основу общей направленности в развитии французской прагматики. Все наиболее значимые моменты, рассматриваемые в мировой прагматике, нашли благодатную среду во французской лингвистике, оказались для нее понятными и «работающими». Таким образом, в развитии французской прагматики имеет место интеграция и творческое переосмысление зарубежных прагматических теорий и сохраняется верность национальным исторически сложившимся традициям в осмыслении языкового существования [Рыжова 2004; 2007].

Своеобразие французской лингвистической прагматики обусловлено теми традициями, которые сложились в течение, по крайней мере, полутора столетий в ходе развития французской гуманитарной науки, в том числе и лингвистики, и которые характеризуются поиском универсальных законов и закономерностей развития и существования различных языков мира, акцентированием внимания на рациональных, интеллектуальных качествах языка, на его связях с логическим мышлением, на интеллектуально-мыслительных аспектах речевой коммуникации. Междисциплинарный характер её становления во взаимодействии с социологией, психологией, этнографией речи и этнометодологией, теорией коммуникации и др. и в сочетании с сугубо лингвистической направленностью исследований в этой области обусловил постепенное накопление адекватных знаний усилиями всего научного сообщества – психологов, социологов, философов, лингвистов. Изучение большого корпуса текстов, написанных лингвистами, философами, социологами, психологами во второй половине XIX – первой половине XX веков, позволило установить, что представленные в них научные теории сыграли определенную роль в становлении и развитии прагматического мышления франкоязычных исследователей и подтвердить положение о том, что становление научной парадигмы происходит постепенно. Это тем более важно, что вопрос об истинных источниках, корнях и началах прагматической науки в целом не имеет еще ясного и исчерпывающего ответа.

Уже во второй половине XIX – начале XX веков ученые обратили внимание на тот факт, что субъективность в языке проявляется прежде всего как способность говорящего субъекта присваивать себе язык в процессе его использования. Язык является социальной функцией, то есть не существует у отдельного человека и может рассматриваться только как «продукт сотрудничества, наиболее усеченная форма которого обязательно включает еще два фактора, того, кто говорит, и того, кто слушает, отправителя и получателя» (Paris 1906: 286). В этой связи уместно вспомнить и определение языка, данное Д. Тьебо еще в 1802 году: «Язык (*lelangage*) был бы невозможен, если бы не было того, кто говорит, или того, кто предполагается, что он говорит; абсурдно представлять, что кто-то говорит, но он не говорит ни с кем; наконец, невозможно говорить и говорить ни о чем. Это, следовательно, природа вещей и необходимость, которая придает языку в некотором роде характер (*sic*) театральной сцены, где мы видим в качестве действующих как бы три персонажа[...], абсолютная потребность в которых ощущается, как только кто-то хочет говорить; их различие, следовательно, необходимо принять и признавать при анализе дискурса» [Thiébaud 1802: 206–207].

Из этого отрывка явно следует, что для адекватного функционирования языка необходимо как минимум два участника коммуникативного процесса – говорящий и слушающий, то, о чем они говорят и для чего они говорят, а также место, где происходит их взаимодействие. Причем эти параметры и характеристики раскрываются в самом языке и передаются языковыми средствами, среди которых, согласно исследованиям Д. Тьебо, важную роль играют местоимения как индикаторы *субъективности в языке*. Изучение субъективных факторов в языке остается актуальным и для исследований в области лингвистической прагматики.

Анализ научных трудов франкоязычных ученых дает право констатировать, что примерно с 80-х годов XIX столетия исследователи, так или иначе, уделяли внимание проблемам функционирования языка, пытались осознать роль человека в его развитии. М. Бреаль подчеркивает необходимость осознания важной роли лингвистики как науки для человека и человечества: «Лингвистика рассказывает человеку о нем самом: она ему показывает, как он выстроил, как он усовершенствовал, преодолевая природные катаклизмы, вопреки неизбежно медленному ходу истории и даже несмотря на временные отступления, самый необходимый инструмент цивилизации» [Bréal 2005: 27–28]. Именно поэтому язык представляет собой продукт сотрудничества между людьми: «каждый из нас вносит свой вклад в развитие человеческой речи» [там же: 27]. Человек является посредником между системой и актом речи, и язык – необходимый инструмент коммуникации между людьми. При этом коммуникация рассматривается не как простой обмен информацией, но как средство деятельности: «Речь не создается для описания, для рассказа, для незаинтересованного рассмотрения. Выразить желание, отдать приказ, обозначить обладание

человеком или вещью – вот эти использования языка являются первичными» [там же: 169]. Язык для М. Бреаль – это «произведение, начатое и продолженное для реализации практической цели» [там же: 27], которая, «...с точки зрения языковой деятельности, заключается в том, чтобы быть понятым» [там же: 30].

И как следствие, результатом включения говорящего человека в лингвистический анализ стало осознание М. Бреалем важности изучения «субъективных элементов», свидетельствующих о присутствии говорящего человека в его речи. Именно эта субъективная сторона языка описывается в главе XXV «Очерков по семантике», которая так и называется «Субъективный элемент» [там же: 164-169]. Предметом теоретического осмысления становятся наречия, прилагательные, некоторые члены предложения (*sans doute, peut-être, probablement, sûrement* др.), которые отражают размышления говорящего или выражают оценку, сомнение или неуверенность. Среди маркеров «субъективной стороны» языка М. Бреаль выделяет категорию наклонения в спряжении глаголов, рассматривая индикатив как возможность перевода выраженного (= описанного) приказа в императив, в субжонктив или в оптатив. По его мнению, в языке важнейшая роль принадлежит *местоимениям* как одной из самых древних частей речи, среди которых наиболее значимыми являются личные местоимения. Как отмечает С. Дельсаль [Delesalle 1987: 311], М. Бреаль, в отличие от существующих в то время школьных грамматик и как Э. Бенвенист пятьдесят лет спустя, объединяет первое и второе лицо, отделяя их от третьего. Первое и второе лицо являются элементами субъективными и лежат в основе акта речи: говорящий человек далек от того, чтобы рассматривать окружающий мир как незаинтересованный наблюдатель. Напротив, то участие, которое он выявляет для себя самого в языке, совершенно непропорционально. Из трех глагольных лиц, имеется одно – первое, которое он сохраняет только для себя. Тем самым он противопоставляет свою индивидуальность остальному миру. Второе лицо объединяется с первым, потому что оно не имеет другого основания существовать, как только будучи связанным с первым. Местоимения *Я* и *Ты*, которые, меняя уста, переходят одно в другое, неизбежно свидетельствуют о том, что человек никогда не остается ни просто наблюдателем, ни просто описывающим. Третье лицо, по М. Бреалу, представляет собой объективную часть языка [Bréal 2005: 169].

Таким образом, программные исследования М. Бреаль ведут к пониманию особой роли «субъективных элементов» (дискурсивных слов, временных форм, глагольного наклонения и личных местоимений) в организации общения. Они способствуют «присвоению языка индивидами» и являются параметром, который невозможно вывести из лингвистического описания.

О субъективных элементах речевой деятельности в диалоге, где обмен речью идет между *Я* и *Ты*, утверждающих по очереди свою субъективность,

говорит *Е.-Б. Лёруа*, французский психофизиолог. Синтезируя два подхода к анализу языка – лингвистический и психофизиологический – он четко разграничивает объект лингвистики и объект психологии: «в целом, лингвисты изучают структуру языка, психологи изучают речевую деятельность», стремятся «понять то, что происходит в сознании, когда используется язык, либо наблюдая его, либо его передавая» [Leroу 1905: 2-3]. Исходя из первого, язык рассматривается как система знаков, исходя из второго – как действие или индивидуальное поведение. Через субъективные элементы, расставляющие вехи в производстве дискурса, и через получение речи слушающим преобразуется объективный характер языка как символической системы или системы образов, когда говорящий присваивает себе язык, который ему дан как внешний и объективный социальный факт [там же: 96]. Объективный характер языка как символической системы или системы образов преобразуется не только с помощью элементов, расставляющих вехи в производстве дискурса, но еще и через получение речи слушающим. При этом он считает, что смысл выявляется и уточняется на основе общих факторов, таких, как знание о лице, которое говорит, или о теме разговора в его целостности. В связи с этим процессы речевого взаимодействия людей – коммуникативные процессы – не могут описываться как процессы кодирования и декодирования, как просто обмен информацией. Производитель предложения – говорящий – изменяет язык (конвенцию), включая в него показатель своей субъективности [Leroу 1905: 87–98].

Следует отметить, что такое понимание языка в большей или меньшей степени эксплицитно проявлялось в теоретическом осмыслении его функционирования, и использовалось, как правило, для выявления механизмов изменения значения языкового знака, для объяснения причин и закономерностей языковых изменений, для выявления и объяснения механизмов установления взаимосвязи и взаимозависимости между языком, мышлением и сознанием.

Категории субъективности важная роль отводится в исследованиях *Ш. Балли*. Ее рассмотрение под углом зрения прагматической методологии выявляет, прежде всего, указание на постоянное наличие субъективности в разговорной речи, на невозможность отчуждения речи, или языка в коммуникации, от говорящего, субъекта речи, а также на необходимость «различать в речи позиции говорящего и слушающего: первый более активен, второй – более восприимчив; первый хочет выразить свою мысль и навязать ее другому, тот же пытается ее понять» [Балли 2003: 130]. Как отмечает Ш. Балли, «контакт с другими лицами придает речи двойственный характер: иногда говорящий концентрирует свои усилия на том воздействии, какое он желает произвести, и разум собеседника предстаёт как некая крепость, которую надо взять штурмом; иногда представления собеседника определяют характер выражений, выбираемых говорящим; говорящий не намеревается наносить удары, а думает скорее о тех, которые он может получить. В первом случае

напор, порыв, нападение, во втором – сдержанность и осторожное отступление» [там же: 35].

Ш. Балли обращает также внимание на *присутствие других лиц*, не участвующих в разговоре, или на *мысль о них*, и отмечает, что это оказывает влияние на организацию речи и определяют понимание речи другого.

Все «эти характеристики носят социальный характер» [там же: 31]. Пониманию способствует сама среда, *ситуация, обстоятельства*, в которых протекает большинство разговоров в реальной жизни. Это, прежде всего, та внеязыковая реальность, в которой осуществляется речь, то общее или некое особое окружение, с которым каждый раз связаны произносимые слова; в крайнем случае, *ситуация* создается самой речью по мере того, как она развертывается, то есть представляет собой *контекст*.

Ш. Балли рассматривает предложение как «наиболее простую возможную форму выражения мысли. Мыслить – значит реагировать на представление, констатируя его наличие, оценивая его или желая. Иными словами, мыслить – значит вынести суждение, есть ли вещь или ее нет, либо определить, желательна она или нежелательна, либо, наконец, выразить пожелание, чтобы она была или не была. Либо *думают*, что идет дождь, либо этого *не думают*, или в этом *сомневаются; радуются* тому, что идет дождь, или об этом *сожалеют; желают*, чтобы шел дождь, или этого *не желают*. В первом случае выражается суждение о факте, во втором – суждение о ценности факта, в третьем – проявление воли. Первая операция относится к рассудку, вторая – к чувству, третья – к воле, которая находит свое завершение в действии – завершение, являющееся одной из функций речевой деятельности, хотя оно и выходит за рамки последней» [Балли 2001: 43-44].

Следовательно, мысль нельзя свести к простому представлению, включающему всякое активное участие со стороны мыслящего субъекта. Действие, которое осуществляет говорящий своим актом высказывания относительно слушающего, собственно говоря «речевой акт», Ш. Балли описывает через понятия *аффективности (субъективности) и модальности*. И для понимания действия, которое осуществляет говорящий своим актом высказывания относительно слушающего, необходимы определенные *аналитические или упорядочивающие интеллектуальные усилия* [там же: 36–37]. Эта идея, высказанная Ш. Балли в начале XX века, имеет прямой выход в когнитивную прагматику, в значительной степени сближаясь по содержанию с *принципом релевантности*, сформулированным Д. Спербером и Д. Уилсон более 70 лет спустя, и положивших в основу своей концепции такие понятия, как *когнитивное и контекстуальное усилие* [Sperber, Wilson 1986].

Невозможность речи без непосредственного участия субъекта, его намерения, без привлечения его внимания утверждает и *А. Сеше*. Как Ш. Балли и ранее М. Бреаль, он исходит из диалогической ситуации и деятельности, сопряженных с актом высказывания. Он исследует *разговорный язык*, являющийся «самой главной формой, которая получила

наибольшее развитие и которая лучше всего известна» [Сеше 2003: 67]. Именно в речи проявляется языковая креативность, благодаря которой язык и развивается. Неверно рассматривать язык (*lelangage*) как идеальную единицу, развивающуюся независимо от людей и преследующую свои собственные цели. Язык не существует независимо от тех, кто думает и кто говорит. Он погружается своими корнями в глубины коллективного сознания, которое предписывает свои законы каждому. Но «человек может создать или употреблять лишь такую грамматику, которая соответствует постоянным тенденциям его психической деятельности» [там же: 128]. Поэтому «каждый говорящий субъект располагает собственной грамматикой; она состоит из того, что индивиду удалось усвоить из грамматики других, и из того оригинального, что он сам привнес в нее» [там же: 128]. То, что он вносит в организацию своего языка, «естественным образом соответствуют индивидуальным ментальным тенденциям» [там же: 128–129]. «Язык конкретного человека в конкретный момент объясняется [...] как результирующая психического импульса, интеллектуального акта и волевого акта, проявляющаяся через естественные установки и приобретенные языковые установки одновременно» [там же: 129]. Следовательно, «...движущие силы, живущие в человеке, создают язык и руководят всеми его изменениями. Обратное неверно. Лингвистика связана исключительно с причинно-следственными отношениями между этими силами и их продуктом – речью» [там же: 207]. Выяснение же источников и причин возникновения этих сил А. Сеше относит к области «антропологии, этнографии или истории. Они уже не принадлежат лингвистике» [там же: 207].

Поэтому «объектом грамматической проблематики является теперь не говорящий субъект, воздействующий на лингвистику, но сам язык как языковой организм, или, если так больше нравится, это говорящий человек, когда он испытывает влияние законов своего языка» [Sechehaye1908: 24]. И этот аспект четко прослеживается в прагматико-семантических исследованиях О. Дюкро.

Говоря об идейных предшественниках современного прагмалингвистического направления во французском языкознании, нельзя не обратить внимания на работы французского философа *М. Мерло-Понти*, который, занимаясь проблемами философии языка, осуществляет пересмотр традиционной проблематики языкознания на основе *феноменологии*. Его феноменологическое основание философии языка вытекает из диалектического противопоставления субъективной и объективной точек зрения, речи и языка, синхронии и диахронии, феноменологии языка и объективной науки о языке. Соединяя субъективную точку зрения с точкой зрения говорящего субъекта, а объективную точку зрения – с точкой зрения лингвиста, рассматривая синхронию как поперечный разрез диахронии, исследователь получает возможность извлекать научное знание не только из эмпирического

мира вещей, но и из актов сознания как приоритетного свойства самого существования человека, его бытия в объективном внешнем мире.

М. Мерло-Понти неоднократно отмечал, что субъект существует лишь как человек говорящий и мыслящий вербально (*cogitoverbale*), как источник всей интенциональной деятельности сознания. С точки зрения феноменологии, весь человеческий мир – это мир сознания, это универсум, в котором разворачивается вся человеческая деятельность. Речь является одним из средств бытия человека. Она не переводит на язык слов уже готовую мысль, а *завершает* ее, речь и мысль как бы объятые друг другом и не допускают между собой никаких внешних отношений. В процессе речи создаются субъективные значения, так как в их основе лежат отношения субъекта к полю его существования, где определяющую роль играет «сигнификативная интенция» (*l'intention significative*) [Merleau-Ponty 1955: 111] как нечто интуитивное и бессознательное. Она возникает в результате своеобразного «нацеливания» тела (*leCorps*) на окружающие его объекты и «вдохновляет речь подобно тому, как мир вдохновляет мое тело» самим своим присутствием, «пробуждая мои интенции, но не раскрываясь до их появления». Это «детерминированная пустота особого рода», она «обретает свое тело и познает себя в поиске эквивалента себе в системе существующих в языке, на котором я говорю, значений и в культуре, которую я унаследовал» [там же: 112–113].

В концепции М. Мерло-Понти подчеркивается, что субъективная точка зрения охватывает объективную, что феноменологическая точка зрения – это и есть точка зрения говорящего. Говорящий «выражается не для других, но прежде всего для того, чтобы понять самому», поэтому для говорящего «выразить значит осознать» [там же: 111]. Такой подход к языку как средству самовыражения выдвигает на первый план проблему «язык и индивид», которая в феноменологии М. Мерло-Понти рассматривается в связи с центральной проблемой *тела* (*lecorps*) и *его существования* (*sonexistence*).

Тем не менее, чтобы «осознать», то есть чтобы выявился смысл сказанного, говорящий субъект должен сотрудничать со слушающим. Другими словами, индивидуальность говорящего, его субъективность необходимо предполагает *интерсубъективность*: «в акте говорения, в тоне, в стиле субъект отстаивает свою автономию, так как ничто не является в большей мере его собственностью, но в тот же миг он безоговорочно обращен к лингвистическому коллективу и зависит от языка» [там же: 74]. Признание этого факта заставляет французского философа обратиться к проблеме понимания: «Желание говорить – это то же самое, что желание быть понятым» [там же: 74].

Таким образом, придавая большое значение процессу взаимодействия говорящего и слушающего в раскрытии смысла речи и признавая двусторонний характер общения, М. Мерло-Понти продолжил разработку традиционно французской проблемы «субъективности в языке» и «интерсубъективности в языке», дав феноменологическое обоснование определению системы

значений через употребление. В концепции М. Мерло-Понти просматривается обоснование для определения системы значений через употребление, которое во многом восходит к концепции М. Бреаля с одной стороны, и предвосхищает исследовательскую позицию О. Дюкро, с другой.

Даже из краткого экскурса в историю французского языкознания следует, что уже в XIX веке французская гуманитарная мысль была обращена на изучение социальных и психологических характеристик языка, закладывая основы для становления и развития коммуникативно-функционального, прагматического подхода к изучению языкового материала и языковой действительности. Выявление роли говорящего субъекта в функционировании и развитии языка позволяет установить во французском языкознании второй половины XIX – первой половины XX века наличие определенной традиции в изучении субъективности как фундаментального свойства языка. Языковая реальность предстает как неотъемлемая часть существования человека, обуславливая единство значения языкового знака и отражая его комплексный характер с точки зрения формы, содержания и функционирования. И, следовательно, человек *мыслящий – говорящий – слушающий – понимающий* включается в коммуникативный процесс как индивид и как член общества, становясь источником важнейших прагматических характеристик языка.

Не являясь лидером в становлении прагматического направления, французское языкознание занимает в нем, тем не менее, свою собственную концептуально-методологическую «нишу». Французская прагматика продолжает традиции лингвистической теории высказывания (*linguistique énonciative; théorie de l'énonciation*), получившей наиболее целостное представление в трудах Э. Бенвениста. Ее методологической основой является не сосюрское различие между языком и речью, а различие между высказыванием, понимаемым как акт, как процесс говорения – *énonciation*, и высказыванием, понимаемым как то, что сказано, как результат процесса говорения – *énoncé*.

Когда в статье «*L'appareil formel de l'énonciation*», опубликованной в марте 1970 г. в журнале «Langage», Э. Бенвенист заговорил «об этом явлении, настолько банальном, что оно смешивается с языком (*langue*), а именно об “акте высказывания” (*énonciation*)» [Vignaux 1988: 63], это имело для развития французского языкознания далеко идущие последствия. Определив акт высказывания как «приведение языковой системы в действие через индивидуальный акт употребления» [Benveniste 1974: 80], Э. Бенвенист обращает внимание на своеобразный статус этого акта как акта производства высказывания говорящим, «который использует язык (*langue*) по своему усмотрению. Отношения, устанавливающиеся между говорящим и языком, определяют языковые черты высказывания. Высказывание следует рассматривать как акт говорящего, который употребляет язык (*langue*) в качестве орудия, и с учетом тех языковых черт, в которых проявляются отношения между говорящим и языком» [там же: 80; Бенвенист 1974: 312].

Главной проблемой становится изучение процесса формирования «я», или «субъективности» как способности говорящего представить себя в качестве «субъекта», то есть как проявление в человеке фундаментального свойства языка. Тот есть «ego», кто говорит «ego» [Benveniste 1966: 259–260; Бенвенист 1974: 293–294]. Основы этой способности заложены в языке: «именно в языке и благодаря языку человек конституируется как *субъект*, ибо только язык придает реальность, *свою* реальность, которая есть свойство *быть*, – понятию “Ego”– “мое я”» [Benveniste 1974: 293].

В работах Э. Бенвениста проблема субъективности в языке начала разрабатываться уже в середине XX века. Так, в статье, опубликованной в 1946 году [Benveniste 1966: 225–236] рассматривается структура отношений лица в глаголе и указывается, что отношения между третьим и двумя первыми лицами асимметричны. «В первых двух лицах одновременно выражается лицо и то, что говорится об этом лице. “Я” обозначает того, кто говорит, и одновременно подразумевает высказывание о “я”: говоря “я”, нельзя не говорить о себе. Во втором лице “ты” по необходимости обозначается через “я” и не мыслится вне ситуации, предложенной от “я”; в то же время “я” высказывает нечто как предикат к “ты”. В третьем лице предикат также выражен, но вне сферы “я – ты”; эта форма, таким образом, исключена из отношения, характеризующего “я” и “ты”» [Бенвенист 1974: 262]. Из этого следует, что лицо свойственно только позициям «я» и «ты». Третье лицо является уже в силу своей структуры неличной формой глагольной флексии, то есть они противопоставлены как члены одной корреляции – *корреляции личности* [там же: 263–264]. Но паре я/ты свойственна специфическая корреляция – *корреляция субъективности*. При этом он утверждает, что «я» является *внутренним* по отношению к высказыванию и *внешним* по отношению к «ты», но *внешним* таким образом, который не устраняет диалога между двумя лицами. Кроме того я всегда *трансцендентно* по отношению к «ты». Э. Бенвенист подчеркивает уникальность лиц «я» и «ты» и их взаимобратимость: тот, кого я определяю как «ты», сам мыслит себя в терминах «я» и, обращаясь в «я», превращает мое «я» в «ты». «Ты» определяется Э. Бенвенистом как *лицо не субъективное* («лицо не-я») по отношению к *лицу субъективному*, которое представлено в «я», и эти оба «лица» противопоставляются форме «не-лица» (= «он») [там же: 264–266].

Исследуя далее сущность «субъективности в языке», Э. Бенвенист добавляет, что «осознание себя возможно только в противопоставлении. Я использую я, только обращаясь к кому-то, кто предстанет в моем обращении как *ты*. Подобное диалогическое условие и определяет *лицо*, ибо оно предполагает такой обратимый процесс, когда я становлюсь *ты* в речи кого-то, кто, в свою очередь, обозначает себя как я. [...] Именно в реальности диалектического единства, объединяющего оба термина и определяющего их во взаимном отношении, и кроется языковое основание субъективности» [там же: 294]. Таким образом, нет субъективности без

интерсубъективности. Язык рассматривается как *интерсубъективная* совокупность знаков, использование которых подчиняется общим для всех правилам, регулирующим взаимодействие говорящих.

Язык «глубоко отмечен выражением субъективности» [там же: 295]. Языковыми формами, обозначающими «лицо», являются прежде всего личные местоимения «я» и «ты», которые отличаются от всех других обозначений, оформляемых языком, следующим: *они не соотносятся ни с понятием, ни с индивидом* [там же: 295–296]. *Я* может быть определено только в терминах «производства речи» («locution»). *Я* – это человек, который производит данный речевой акт, содержащий *я*; или, другими словами, *я* – это индивид, который производит данный речевой акт, содержащий акт производства языковой формы *я*. Оно действительно только в том единовременном акте, в котором оно производится. Поэтому каждое *я* имеет свою собственную референцию и соответствует каждый раз единственному индивиду, взятому именно в его единственности. Следовательно, *я* не может быть идентифицировано иначе как посредством речевого акта, который его содержит [там же: 286–287]. Рассуждая подобным образом, Э. Бенвенист приводит симметричное определение для *ты*: это индивид, к которому обращаются в данном речевом акте, содержащем акт производства языковой формы *ты*; *ты* означает слушающего в момент индивидуального высказывания, содержащего местоимение «ты» [там же: 286–287]. Таким образом, у местоимений двойная природа: «... они не составляют единого класса, а образуют различные роды и виды в зависимости от того модуса существования языка, знаками которого они являются» [там же: 285].

Помимо личных местоимений, существующих в языке, в становлении субъективности в дискурсе участвуют и другие формы: Бенвенист упоминает временные формы и другие указатели дейксиса («здесь», «сейчас», «завтра», и т.п.), а также так называемые «модусные» глаголы (*croire, supposer, présumer* т.п.), которые, будучи употребленными в первом лице, выражают отношение, которое говорящий принимает относительно своего высказывания: «Погода изменится» – это высказывание «объективное» (или «безличное»), в то время как «Я думаю, что погода изменится» является субъективным актом высказывания (*une énonciation subjective*).

Категория субъективности в языке, представленная Э. Бенвенистом в 60-е годы XX века в рамках теории высказывания (*théorie de l'énonciation*), получает новое развитие в 70 – 80-е годы во французском языкознании, в том числе в рамках интегрированной прагматики (О. Дюкро, Ж.-К. Анскомбр, Ф. Реканати, К. Кербрата-Ореккьони и многие другие).

К. Кербрата-Ореккьони расширяет перечень маркеров субъективности (*subjectivèmes*), выделяя, помимо дейктических единиц (личные местоимения, термины родства, временные формы глаголов, демонстративы, прилагательные, наречия, указывающие на пространственную или временную локализацию), термины, выражающие эмоции и оценку, подробно описывает средства

аксиологической и неаксиологической оценочности, модальности, средства, связанные с выбором наименования, с отбором и иерархизацией информации и т.п., то есть все те средства, которые служат для включения в высказывание-продукт (*énoncé*) субъекта процесса высказывания (*énonciation*). Подчеркивая неоднозначность понятий субъективности/объективности, в книге делается вывод о том, что «субъективность пронизывает все», все дискурсы отмечены субъективностью, но в разной степени различаются по форме [Kerbrat-Orecchioni 1980].

Одна из центральных ролей в лингвистических исследованиях отводится категории субъекта. Как отмечает К. Ажеж, «в последней четверти XX в. постепенно стало очевидным, что интерес к языку есть в то же время интерес к самому человеку, ибо важной характеристикой человека является то, как он использует язык. [...] Говорящий субъект должен постоянно находиться в центре их (лингвистов – ЛПР) внимания, но именно как субъект высказывания, а не как некая абстрактная субъективность, наделенная к тому же способностью говорить» [Ажеж 2003: 225]. И далее он как бы обобщает опыт своих предшественников, утверждая: «... в ситуации диалога человек вступает к себе подобным в некое отношение, и в этом акте совместно принимают участие все компоненты его психологии и его общественной природы, какие только могут найти выражение в данной ситуации. Термин “субъект высказывания” следует понимать в смысле “говорящий + слушающий”, а не в смысле “говорящий – слушающий” как если бы речь шла о двух взаимозаменяемых сущностях. [...] Психо-социальный субъект высказывания есть идеальный субъект, это не мифическое пространство пермутации между говорящим и слушающим, наделенными одинаковыми достоинствами и способностями» [там же: 225].

Одним из основателей французской прагматики является **О. Дюкро**, автор *Введения к французскому переводу Теории речевых актов* Дж. Р. Серля. Историки современной французской лингвистики представляют его как проводника идей англосаксонской и американской прагматики во Франции [Dosse 1992; Fuchs, LeGoffic 1992]. Философ по образованию, он проявляет интерес к проблемам англо-американской философии языка и в начале научной карьеры находится под влиянием идей Строссона, Остина и Серля [Ducrot 1984: 7–8]. Воспитанный на традициях французской гуманитарной науки, О. Дюкро постепенно отходит от многих положений англосаксонской прагматики, считая, что «их понятийный аппарат без значительных изменений неприложим к конкретному и тщательному анализу языков. [...] Преобразование этих концептов в языковые универсалии, как это пытались сделать некоторые приверженцы генеративной грамматики, является типичным случаем этноцентризма» [Ducrot 1986: 6]. Он создает собственную лингвистическую концепцию *интегрированной прагматики* на основе имманентно присущих языку черт, свойств, отношений. Опираясь на положения Э. Бенвениста о сущности языка (*langue*) как *интерсубъективной* совокупности знаков,

О. Дюкро утверждает, что язык содержит «весь набор межчеловеческих отношений, весь список ролей, которые говорящий может сам выбрать для себя и приписать другому. [...] Язык разнообразит межчеловеческие отношения, предоставляя для этого средства и накладывая определенные институциональные рамки в виде правил на формы взаимодействия индивидов. Язык является не только условием, но становится способом социальной жизни» [Ducrot 1972: 4]. Говорящий обладает властью: он навязывает своему партнеру по коммуникации вопрос, приказ, тему, пресуппозиции и т.п., при этом все мысли, которые говорящий может выразить, слушающий способен понять. И если объектом прагматики считаются действия человека в целом, то термином *прагматика* в этой совокупности исследований можно обозначить только те из них, которые относятся к действиям, осуществленным посредством языка, указывающего условия и радиус действия. И этот акт зафиксирован в языке: устанавливая категорию мобильных знаков и формальный аппарат процесса высказывания, язык (*langage*) позволяет каждому объявлять себя субъектом [Ducrot 1980: 7–56; 1984; Anscombre, Ducrot: 1983].

О. Дюкро подвергает сомнению корректность традиционной теории высказывания относительно постулата целостности субъекта высказывания: «одно высказывание – один субъект». Субъект, характеризуясь свойством целостности, является одновременно и автором высказывания и ответственным за то, что в нем говорится. Он совершает необходимую для высказывания психофизиологическую деятельность, является автором и источником иллюкутивных актов, осуществляемых в процессе их произнесения, то есть субъект тот, кто приказывает, просит, утверждает и т.п. В традиционном языкознании говорящему субъекту приписывается свойство – быть обозначенным в высказывании через маркеры 1-ого лица [Ducrot 1984: 189–190].

Адаптируя к лингвистике положения З. Фрейда о конфронтации в структуре личности двух психических сущностей и М.М. Бахтина о дискурсе как вербальном взаимодействии, о диалогизме и полифоническом характере слова, О. Дюкро утверждает *полифонический характер дискурса*, то есть множественность точек зрения, выраженных в одном высказывании. О. Дюкро различает *говорящего* (*locuteur*) и *высказывающегося* (*énonciateur*), отделяя их от эмпирического *говорящего субъекта* (*sujetparlant*), который является производителем дискурса, его физической опорой. Говорящий – это одушевленный субъект, который в значении высказывания представлен как ответственный за его реализацию, это к нему относится местоимение *Я* и другие маркеры 1-ого лица. Как референт личного местоимения *Я*, он принимает на себя ответственность за некоторые (не за все) из языковых актов, занимая место, приписываемое ему прагматической структурой высказывания. Среди ролей, актуализирующих говорящего, О. Дюкро различает *говорящего как такого L* (*locuteur en tant que tel*) и *говорящего как некоторого социального субъекта λ* (*locuteur en tant qu'être du monde*). Это

лингвистические субъекты дискурса, анонимные персонажи, «имена ролей», ищущих свое действующее лицо. *L* является ответственным за акт высказывания и рассматривается только как высказывающийся, обладающий этим свойством. Представляет собой человека вообще, свойство которого – быть источником высказывания. Методологический статус этих ролей отличается от статуса говорящего субъекта, поскольку этот последний выявляется из «внешнего» представления речи, чуждого представлению, данному в *énoncé* [Ducrot 1984: 200].

Таким образом, О. Дюкро различает в субъекте, который производит речевой акт, эмпирическую сущность, внешнюю по отношению к любому акту речи, дискурсивную сущность (говорящего), ответственную за высказывание-продукт, и сущность чистого высказывания-процесса (высказывающегося), которая определяет точку зрения высказывания-продукта. Дискурс рассматривается как ансамбль голосов, как наложение высказываний, осуществляющих различные речевые акты «тех, кто высказывается». Любое предложение может быть описано как диалог, грамматическая структура которого схематически представляет сценарий диалога, число высказывающихся и основные направления исполняемой ими роли.

Идею о неоднородности субъекта развивает **П. Шародо** в рамках лингвистики текста и теории дискурса, отталкиваясь от теории полифонии О. Дюкро о говорящем субъекте как носителе многочисленных голосов в высказывании. По его мнению, роль субъекта дискурса, с одной стороны, предопределена условиями различного порядка, с другой – он свободен в выборе в ходе реализации речи. Одновременно он ограничен условиями коммуникативной ситуации, которые принуждают его к определенному дискурсивному поведению, и свободен для проявления индивидуальности. В этой связи становится актуальным изучение субъекта дискурса как явления, необходимого для уточнения статуса, места и положения говорящего субъекта (*locuteur*) с точки зрения его языковой деятельности. При этом его компетенция является теперь не только языковой, но одновременно *коммуникационной, дискурсивной и языковой*.

В этой связи для понимания сложного механизма порождения дискурса П. Шародо предлагает провести различие, во-первых, между субъектом коммуницирующим и субъектом интерпретирующим, которые являются внешними относительно того, что говорится (ситуационный уровень), и, во-вторых, между субъектом высказывающимся и субъектом-получателем, которые характеризуют то, что говорится, изнутри (дискурсивный уровень) [Charaudeau 1988]. В этом проявляется оппозиция *внутренний/внешний* говорящий в дискурсе. Таким образом, любой говорящий субъект, способен иметь два типа идентичности: социальной идентичности и дискурсивной идентичности. Социальная идентичность определяет говорящего субъекта как того, кто берет слово, кто имеет некоторый социальный статус – как коммуникант – и кто обладает коммуникативными намерениями. Дискурсивная

идентичность определяет говорящий субъект как человека, владеющего языком, который выражает себя через осуществление процесса высказывания [Charaudeau 2002: 556]

Вместе с тем, intersубъективный характер общения вынуждает субъекта играть поочередно две разные базовые роли: роль субъекта, который производит речевое действие и его представляет, предполагая, какой может быть реакция его собеседника, и роль субъекта, который получает и должен интерпретировать речевое действие в зависимости от того, что он думает о субъекте, который произвел это речевое действие. Каждая из этих ролей вынуждает субъекта дискурса вносить определенный вклад в осуществление различных операций: кодирование для первого и декодирование для второго, при этом оба производят операции инференции, которые не являются для них идентичными [там же: 554–555]. Следовательно, оппозиция *производство / получение* отсылает к ролям, которые принимают партнеры по вербальному обмену во время его протекания. Последовательно и поочередно они выполняют роль того, кто производит речевое действие, адресуя его другому, и того, кто получает речевое действие и пытается интерпретировать его [там же: 556]. Исходя из такого понимания роли «человека в языке и учитывая многочисленные и часто пересекающиеся употребления номинаций, выявляющих коммуникативные функции «человека в языке», П. Шародо классифицирует роли говорящего субъекта следующим образом [там же: 557]:

Субъект	Позиция производства дискурса	Позиция получения дискурса
Внешний относительно дискурса	отправитель (<i>émetteur</i>) говорящий (<i>locuteur</i>), автор (<i>auteur</i>)	Получатель (<i>récepteur</i>) [собеседник (<i>interlocuteur</i>) слушающий (<i>allocutaire</i>) [слушатель (<i>auditeur</i>) читатель (<i>lecteur</i>)
Внутренний относительно дискурса	высказывающийся (<i>énonciateur</i>) рассказчик (<i>narrateur</i>) идеальный автор (<i>auteurmodèle</i>)	[адресат (<i>destinataire</i>) слушающий (<i>allocutaire</i>) со-высказывающийся (<i>co-énonciateur</i>) Адресат (<i>narrataire</i>) идеальный читатель (<i>lecteurmodèle</i>)

Многообразие коммуникативных ролей говорящего субъекта, выделенных П. Шародо, показывает, что «определенные виды нашего поведения – направленные на познание, на социальный обмен, или же свидетельствующие об аффективности – все одинаково связаны (логически несамопротиворечивы), стабильны и индивидуализированы» [Tuțescu 1975: 19]. Языковая реальность предстает как неотъемлемая часть существования человека, и, следовательно, человек *мыслящий – говорящий – слушающий – понимающий* включается в коммуникативный процесс как индивид и как член общества, являясь одной из важнейших характеристик языка. Тем самым обосновывается выявление и описание *субъективности* как фундаментального свойства языка, в основе которого лежит эпистемологический принцип антропоцентризма.

Рассмотрение категории субъективности с точки зрения ее становления во французской лингвистике показало, что доминирующее во французской лингвистической прагматике понятие субъективности является результатом постепенного – по крайней мере с середины XIX века – накопления сведений о роли человека в развитии и функционировании языка и их теоретического осмысления на основе исторически сложившихся традиций усилиями всего научного сообщества, что обуславливает преемственность французской лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки / К. Ажеж. – М. : Эдиториал УРСС, 2003. – 304 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли; изд. 2-е, стереотипное – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 416 с.
3. Балли Ш. Язык и жизнь / Ш. Балли. – М. : Эдиториал УРСС, 2003. – 232 с.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс 1974. – 360 с.
5. Рыжова Л.П. Истоки прагматической парадигмы во французском языкознании / Л.П. Рыжова. – Тверь : Тверской гос. ун-т, 2004. – 191 с.
6. Рыжова Л.П. Французская прагматика / Л.П. Рыжова. – М. : КомКнига, 2007. – 240 с.
7. Сеше А. Программа и методы теоретической лингвистики. Психология языка / А. Сеше. – М. : Эдиториал УРСС, 2003. – 264 с.
8. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale, 1 / E. Benveniste. – Paris : Gallimard, 1966. – 356 p.
9. Benveniste E. L'appareil formel l'énonciation / E. Benveniste // Langage, 1970. – № 17. – P. 12–18.
10. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale, 2 / E. Benveniste. – Paris : Gallimard, 1974. – 288 p.
11. Bréal M. Essai de sémantique. Science des significations / M. Bréal. – Limoges : Lambert Lucas, 2005. – 216 p. (изд. 2-е. – 1897. – 349 p.).

12. Charaudeau P. Une théorie des sujets du langage / P. Charaudeau // Modèles linguistiques. – Lille, 1988. – T. X. – Fasc. 2. – P. 67–78.
13. Charaudeau P. Sujet du discours / P. Charaudeau, D. Maingueneau // Dictionnaire d'analyse du discours. – Paris : Seuil, 2002. – P. 555–557.
14. Charaudeau P. Sujet parlant / P. Charaudeau, D. Maingueneau // Dictionnaire d'analyse du discours. – Paris : Seuil, 2002. – P. 554–555.
15. Concise Encyclopedia of Pragmatics. – Amsterdam – Lausanne – New York – Oxford – Shannon – Singapore – Tokyo : ELSEVIER, 1998.
16. Delesalle S. Vie des mots et science des significations: Arsène Darmesteter et Michel Bréal / S. Delesalle // DRLAV, 1987. – № 36–37. – P. 265–314.
17. Dosse F. Histoire du structuralisme / F. Dosse. – Paris: La Découverte, 1992. – T. II. – 542 p.
18. Ducrot O. Analyse de textes et linguistique de l'énonciation / O. Ducrot et al. // Les mots du discours. – Paris : Minuit, 1980a. – P. 7–56.
19. Ducrot O. Le Dire et le dit / O. Ducrot. – Paris, 1984. – 240 p.
20. Ducrot O. Titres et travaux / O. Ducrot. – Paris : Don à la MSH, 1986a. – 32 p.
21. Fuchs C. Les linguistiques contemporaines: Repères théoriques / C. Fuchs, P. Le Goffic. – Paris : Hachette, 1992. – 158 p.
22. Kerbrat-Orecchioni C. L'énonciation. De la subjectivité dans le langage / C. Kerbrat-Orecchioni. – Paris : Armand Colin, 1980. – 270 p.
23. Leroy E.-B. Le langage. Essai sur la psychologie normale et pathologique de cette fonction / E.-B. Leroy. – Paris, 1905. – 348 p.
24. Merleau-Ponty M. Eloge de la philosophie. Leçon inaugurale faite au Collège de France le jeudi 15 janvier 1953 / M. Merleau-Ponty. – Paris : Gallimard, 1953. – 96 p.
25. Paris G. Compte rendu de Darmesteter. – 1887 / G. Paris // Mélanges linguistiques 1905 –1909. – Fasc. II: Langue française. – Paris, 1906. – P. 281–314.
26. Sperber D. Relevance. Communication and cognition / D. Sperber, D. Wilson. – Oxford : Basil Blackwell, 1986. – 208 p.
27. Thiébaud D. Grammaire philosophique, ou la métaphysique, la logique et la grammaire, réunies en un seul corps de doctrine: en 2 vol. / D. Thiébaud. – Paris : Courcier. – 1802. – Vol. 1. – 348 p.
28. Tuțescu M. 1975 Précis de sémantique française / M. Tuțescu. – București : Editura didactică și pedagogică; Paris : Klincksieck, 1975. – 258 p.
29. Vignaux G. Le discours, acteur du monde: Énonciation, argumentation et cognition / G. Vignaux. – Paris : Ophrys, 1988. – 243 p.

Рыжова Людмила Павловна, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Института иностранных языков Московского городского педагогического университета; e-mail: lpryjova@rambler.ru